

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Формулировки составлены крайне неразумно: «Для образования множественного числа к существительному в конце прибавляются окончания *ho, op, gon, jop*» (стр. 223), как будто окончания могут прибавляться в начале! Примерно таковы и другие формулировки. Терминология также не всегда удачно применяется (отыменные прилагательные).

В виду того что не существует ни таджикско-русского, ни русско-таджикского словаря, естественно можно было ожидать, что прилагаемые к учебнику словари хоть в минимальной степени заполнят этот пробел. Однако авторы в изобилии ввели русские слова, которые в большинстве случаев одинаково пишутся и произносятся и по-русски и по-таджикски, и в то же время не дали многих нужнейших слов таджикского языка, безусловно непонятных русскому читателю. Совершенно непонятно, зачем в учебный словарь для русского читателя нужно было включать слова: *Amerika, Germanija, Anglija, kabinet, avtostrada, baza, ekzekutor, general, kartocka, kapitan, demokratija, demokrat, demokratizatsija* и десятки им подобных. Неужели русский читатель, встретив в учебнике такое слово, не догадается об его значении? В то же время в словарь не включены многие таджикские слова, встречающиеся в хрестоматии и безусловно неизвестные и непонятные русскому читателю: *bovar kardap* 'верить', *gusola* 'теленки', *makom* 'место', *suhbat* 'беседа', *buz* 'коза', *mahtob* 'луна', *çuvon* 'юноша', ара 'старшая сестра', *şuj* 'муж', и множество других слов, необходимых не только для общения в Таджикистане, но и для понимания приводимого в хрестоматии материала.

В предисловии говорится: «... авторы считают необходимым заметить здесь, что они ни в коей мере не ставили перед собой задачи дать научно-описательную грамматику... Тем не менее авторы стремились, следуя по возможности по пути сравнительной грамматики двух языков — таджикского и русского — дать научно-правильные определения тем или иным языковым явлениям» (стр. 5).

Все вышеизложенное показывает, что задача, поставленная авторами, оказалась невыполненной.

А. З. Розенфельд

Dr. Karl Menges. *Volkscundliche Texte aus Ost-Türkistan*. Aus dem Nachlass von N. Th. Katanov herausgegeben von —. Sitzungsber. d. Preuss. Akad. d. Wiss. Phil.-Hist. Klasse. 1933. XXXII, Berlin, 1933—1934, стр. 1173—1293; отд. отт. стр. 1—123.

В 1926 г. Венгерский институт (Ungarisches Institut) Берлинского университета приобрел часть рукописного наследия профессора восточных языков Казанского университета Н. Ф. Катанова (ум. 25 февр./

10 марта 1922 г.) от его вдовы А. И. Катановой. Самой ценной частью этих рукописей были тексты (2384 стр.), главным образом сказки и песни, на казахском и уйгурском (наречия Турфана и Хами) языках Синьцзяна, т. е. Восточного Туркестана, частично был к некоторым текстам и перевод (934 стр.). Тексты были записаны Н. Ф. Катановым во время его путешествия по Восточному Туркестану в 1890—1892 гг. (Чугучак — Манас — Урумчи — Турфан — Хами; Кульджа).¹ Первый выпуск этих записей Н. Ф. Катанова и издается теперь Dr. Menges'ом, учеником проф. W. Bang'a. Сначала (стр. 3—4) идет предисловие, где К. Menges сообщает некоторые сведения о проф. Н. Ф. Катанове и его рукописях; на стр. 5—99 идут тексты в латинской транскрипции и немецкий их перевод. Содержание текстов, главным образом, этнографического характера. Здесь рассказы уйгуров о своей жизни, о своих обычаях: брак, похороны, шаманство, одежда, праздники и пр. Далее, на стр. 99—123 приложен К. Menges'ом лексикон тех слов, которые нуждались, по его мнению, в каком-либо пояснении.

Последующие заметки-поправки имеют целью выразить мое глубокое уважение памяти проф. Н. Ф. Катанова и благодарность Dr. K. Menges'у за это ценное издание.

К стр. 46: «Toqsulluq haq haraqli az içädü переводится (стр. 47): «сытые люди мало пьют водки». В словаре (стр. 121) К. Menges слово «toqsulluq» поясняет через «Sattheit» и параллельно приводит здесь же слово «joqsul» (бедняк, пролетарий). Я с несомненностью думаю, что Toqsulluq haq здесь надо перевести «токсунские жители», «жители селения Токсун» (Toqsun + luq; n // l), на большой дороге из г. Урумчи в г. Карашар. Ср. названия жителей г. Кучара — «кучарлык». Здесь же, у К. Menges'a, на стр. 46 встречается Qomulluq taqçilar, т. е. комумские горняки, горные жители г. Коमुла или Хами. Как-то странно, чтобы сытые пили водки меньше голодных. Кроме того, здесь же сообщается, что в г. Логучене (Lüksün) пьют водки очень много, «начиная от князя и его служащих и до простого народа». Я не думаю, чтобы князь и народ г. Логучена пили много от голода. Дело простое: этот рассказ ведется в г. Турфане от логученца и сначала сообщалось в нем о жителях г. Логучена, а затем и о жителях сел. Токсун. Разумеется, что в г. Логучене,

¹ Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Зап. Акад. Наук, т. XXIII, № 8, прилож. СПб., 1893. См. еще: Живая Старина, год I и II, СПб., 1892, стр. 111—122, 134—137.

² С. Ф. О л ь д е н б у р г. «Лакамы» — прозвища жителей городов Восточного Туркестана. Сб. МАЭ, V, вып. 1, стр. 94. Пгр., 1918.

где, по рассказу, живет наследственный князек и его придворный штат, пьют больше, чем в сел. Токсун; правда, на очень бойком пункте на большой дороге, но все же меньшем, чем город Lükün.

К стр. 86: *bu talbä «bärdim, bärdim», dār tobalar-tururlar*, что переводится (стр. 87) довольно замысловато: «Der Besessene liegt wie ein Knäuel zusammengerollt da und antwortet: ich habe sie dir gegeben». Я думаю, проще перевести: «одержимый [бесом] кричит, говоря: дал, дал». Здесь К. Menges'у слову «*tobala*» придает значение (стр. 105) «*zusammenstellen (an einer Stelle), wie ein Knäuel, ein Haufen daliegen*», тогда как здесь этот глагол значит «кричать», «выкрикивать». Ср. в словаре В. В. Радлова (III, 985): *tawala-*; в моих записях *towula-* (лобнорск.); в Уйгурско-русском словаре (под ред. К. К. Юдахина; стеклогр. изд., М., 1938, стр. 149): *tola-* «выкрикивать». Переводы издаваемых теперь текстов о свадьбе и похоронах (стр. 6—40) были опубликованы частично самим Н. Ф. Катановым, о чем нет никакого упоминания в издании К. Menges'а. См., напр., следующие статьи Н. Ф. Катанова: «О свадебных обычаях татар Восточного Туркестана» (Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XII, 1894, вып. 4, стр. 409—434; отд. отт. — Казань, 1895); «О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней» (там же, т. XII, вып. 2, 1894, стр. 109—142) и «*Ueber die Bestattungsgebräuche bei den Türkstämmen Central- und Ostasiens*» (Keleti Szemle, Budapest, I, 1900).

На стр. 8—9 большое недоразумение с переводом фразы: *ölükün qerindaşleri. . . här ärtädä jätti dzüp jätti selip, ölükün haqqıya duga qilurlar*. В сноске К. Menges называет это место (стр. 9) непонятным (*unverständlich*). Он переводит: «. . . beten . . . an jedem Morgen für den Toten, sieben Paare siebenmal (?)». Я пытаюсь здесь исправить текст, читая вместо второго *jätti* только *jit* (поминальная большая лепешка, которая в обычное время называется *röşkäl* или *püškäl* 'блин'). Тогда можно перевести: «родственники покойника, сделав [положив] семь пар поминальных лепешек, каждое утро творят молитву за покойника». На стр. 84—85 у К. Menges'а имеется (при описании шаманского обычая) выражение: *jätti dzüp püškäl selip*, т. е.: устроив семь пар блинов. Это место как будто указывает на правильность моего перевода той фразы с двумя *jätti*, из коих второе *jätti* я считаю ошибочным — вместо *jit* = *röşkäl* (лепешка, блин). Но и без этих моих изменений неизвестный, думаю, для К. Menges'а перевод Н. Ф. Катанова гласит: . . . «*Hausgenossen des Verstorbenen lesen jeden Morgen zu 7 Mann auf einmal einen an den Toten gerichteten Segenspruch, ihn zweimal wiederholend*» (Kel. Sz., I, p. 249).

На стр. 8—9 *göz mal* не значит «один аршин материи», а просто только «материя» (текстиль). Здесь же *sandıq* будет не гроб

покойника, а только ящик с *göz mal*, т. е. с материей для раздачи на «помин души» (Kel. Sz., I, стр. 240). В день переезда невесты в дом жениха малых ребят в полночь собирают на угощение в доме невесты, — так по русскому переводу Н. Ф. Катанова (О свадебных обычаях. . . отд. отт., стр. II), а по изданному теперь тексту (стр. 28) и переводу К. Menges'а (стр. 29) малые ребята собираются в доме жениха.

В отношении имени *Toqta-Qiz* (стр. 72), вместо объяснения К. Menges'а, можно правильнее объяснить это имя нежеланием дальнейшего потомства из дочерей [А. А. Ди в а е в. К вопросу о наречении имени у киргизов (т. е. казахов)].¹

К. Menges известен мне своими трудами по нескольким турецким (узбекскому, шорскому) языкам нашего Союза (см., напр., Библиографию Востока, вып. 10, 1937, стр. 165—168); теперь еще добавлю: К. Menges et S. Sakir. *Qazaqışch. Berlin, 1935. Lautbibliothek. Texte zu den Sprachplatten des Instituts für Lautforschungen an der Universität Berlin, Nr. 148.*

Является весьма желательным скорейшее опубликование К. Menges'ом и остального материала по уйгурскому языку покойного нашего профессора Н. Ф. Катанова.

Проф. С. Малов

П. Т. Хаптаев. **Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции.** Гос. Бурят-Монгольское издательство, 1939, стр. 147. Ц. 3 р.

Появление нового исследования о революционном движении в Бурят-Монголии в конце XIX — начале XX в. представляет собою крупное событие, тем более значительное, что ранее изданные сочинения, посвященные этому периоду, носят, как справедливо отмечено в предисловии к рецензируемой книге, сугубо хроникальный характер.

Вполне основательно автор видит свою задачу не только в показе событий, происшедших в 1905 г. среди бурят, но стремится показать их связь с революционным движением русского пролетариата.

Книга состоит из пяти глав, в двух из которых рассматривается рабочее движение и общий ход революции 1905 г. в Вост. Сибири; одна представляет собою обзор социально-экономических предпосылок национального движения среди бурят и две посвящены непосредственно самому движению и его результатам.

Анализируя социально-экономические предпосылки рабочего движения в Сибири, автор вполне правильно указывает на значение транссибирской магистрали, вокруг которой концентрировались значительные массы пролетариата. По сравнению с мелкими промышленными предприятиями, «же-

¹ Туркестанские ведомости, 1916, № 206.